

Особенности торговых отношений уйльта (ороков) Сахалина в XVII—XIX вв.

Роман Витальевич Гвоздев,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: groma@inbox.ru

Автором предпринята попытка проследить особенности развития торговых связей уйльта в период XVII—XIX вв. в контексте взаимоотношений между Китаем, Японией и Россией. За основу работы взяты свидетельства первооткрывателей, исследователей Сахалина, а также материалы отечественных и зарубежных авторов. Относительная удалённость о. Сахалин от густонаселённых районов соседних государств, низкая плотность населения, слабое развитие производительных сил наложили отпечаток на способы хозяйствования, развитие экономических отношений в регионе и, как следствие, на торговлю. Одной из важных особенностей торговых отношений уйльта являлся не денежный, натуральный обмен (товар на товар). Торговля развивалась в двух основных, не пересекающихся направлениях. К первому относятся связи с маньчжурским Китаем. Торговый путь пролегал с севера Сахалина через устье р. Амур, где традиционно проходили ярмарки. Вторым направлением являлась торговля с Японией, которая велась главным образом через торговые точки на юге Сахалина. Поселения в местах торговли были постоянными и даже соответствующим образом укреплены. Характерно, что такие крупные государства, как Япония и Китай, не вели прямую торговлю друг с другом в данном регионе. По крайней мере, свидетельств тому нет. При этом они по умолчанию считали территорию проживания коренных народов (в т.ч. и уйльта) своей. Но и здесь их интересы напрямую не пересекались, т.к. китайцы больше претендовали на северные территории острова, а японцы — на южные. Однако не существовало никаких чётких территориальных границ. Данный фактор способствовал созданию зоны свободной торговли в регионе вплоть до второй половины XIX в.

Ключевые слова: уйльта, ороки, торговые отношения, Сахалин, Китай, Япония, тунгусо-маньчжуры.

The Features of Uilta (Orok) Trade Relations in Sakhalin in the Seventeenth-Nineteenth Centuries.

Roman Gvozdev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: groma@inbox.ru.

The author attempts to trace the features of the development of Uilta trade relations during the seventeenth and nineteenth centuries between China, Japan and Russia. The work is based on the evidences of the pioneers, the explorers of Sakhalin and the materials of domestic and foreign authors. Relative remoteness of the Sakhalin island, low population density, weak development of the productive forces left an imprint on ways of management, development of economic relations in the region and, as a consequence, on trade. One of the important features of trade relations of the Uilta was non-monetary, natural exchange (goods for goods). Trade developed in two main, non-overlapping directions. The first related to Manchu China. The trade route ran from the north of Sakhalin through the mouth of the Amur river, where fairs were traditionally held. The second was the trade with Japan which was carried out mainly through outlets in the south of Sakhalin. The settlements in trading places were permanent and even appropriately strengthened. It is significant that such large states as Japan and China did not conduct direct trade with each other in the region. At least, no evidence is left. At the same time, they considered the territory of indigenous peoples (including Uilta) as their own. But even here their interests did not directly overlap, as the Chinese claimed for the northern territories of the island, and the Japanese — for the southern territories. However, there were no clear territorial boundaries. This factor actually contributed to the creation of a free trade zone in the region until the second half of the nineteenth century.

Keywords: Uilta, Orok, trade relations, Sakhalin, China, Japan, Tungus-Manchus.

Проблема торговых отношений уйльта в период XVII—XIX вв. практически не освещена в современной российской научной литературе. Между тем изучение торговых и культурных связей коренных народов Сахалина с Японией и Китаем приобретает особую актуальность в контексте повышенного интереса политических, торговых и культурных кругов сопредельных стран к дальневосточным территориям России. Торговые отношения уйльта в обозначенный период имеют ряд особенностей, обусловленных хозяйственной деятельностью, уровнем социального развития, а также относительной удалённостью территорий от экономических центров таких стран, как Россия, Япония и Китай.

Коренное население Сахалина издревле вело торговлю с соседями. Одним из основных векторов торговой деятельности была река Амур, куда ходили морем через устье. Вторым направлением была торговля с коренным населением более южных островов, принадлежавших изначально айнам, а впоследствии японцам. Хронологически торговые отношения уйльта можно также разделить на два неравнозначных периода. Отправной точкой отсчёта первого периода условно можно считать вторую половину XVII в. Предположительно, торговый обмен между коренными жителями Сахалина с представителями Японии и Китая происходил и ранее. Но достоверно известно, что в 1679 г. японцы достигают юга Сахалина и основывают там селение Одомари [10, с. 272—273]. Китайская династия Цин после подписания Нерчинского трактата в 1689 г. начинает осуществлять контроль за так называемыми окраинными людьми, облагая их данью. Сфера влияния китайцев постепенно распространяется до устья Амура и севера Сахалина [4, с. 121]. Завершение этого периода приходится на вторую половину XIX в., когда окончательно были установлены государственные границы России, Китая и Японии. В это время изменяется характер торговли: она перестаёт быть *свободной*, т.е. такой, когда коренные этносы Сахалина выступают как самостоятельные субъекты торговых отношений. Также это время можно считать точкой отсчёта второго периода торговых связей уйльта, уже не являющихся самостоятельной силой, но сохраняющих некоторые специфические этнические и хозяйственные черты.

Более подробно остановимся на первом периоде. Сахалин изначально находился в сфере влияния двух могущественных государств: Китая и Японии. В зоне прямых контактов с китайцами находились главным образом коренные народы Нижнего Амура: нанайцы, удэгейцы, амурские нивхи и др. Косвенным подтверждением культурных контактов, в т.ч. и торговых связей между тунгусо-маньчжурами и населением японских островов, являются данные лингвистики. В частности, С. Мурояма провёл ряд сопоставительных исследований древнеяпонского языка с языками ульчей, орочей, уйльта, негидальцев, нанайцев и пришёл к выводу о наличии множества параллелей. Он прямо пишет о непосредственном влиянии тунгусо-маньчжурских языков на древнеяпонский, проявляющемся в именах числительных, спряжении и фонетике [7, с. 15]. Начиная с XVII в. Хоккайдо находился под влиянием клана Мацумаэ, назначенного сёгунатом Тогугава править этими землями [4, с. 122; 10, с. 270]. Князем Едзо (Хоккайдо) постепенно была

монополизирована торговля с проживавшими там айнами и отмечено проникновение японцев на южный Сахалин. Также были налажены торговые контакты с населением северного Сахалина, к числу которых относились и уйльта. В качестве центра торговли японцев с коренными жителями на южном Сахалине выступало селение Сирануси [4, с. 122—123]. Одновременно с этим в начале XVIII в. влияние цинской династии Китая распространилось на северный Сахалин. Одной из целей этой экспансии являлась монополизация торговли пушниной. В 1731 г. 146 хозяйств на северном Сахалине было записано в качестве «окраинных людей». К середине XVIII в. китайцы получали с данных хозяйств уже порядка 2500 собольих шкур [4, с. 121]. Сходные процессы в это же самое время наблюдаются не только на Сахалине, но и на всей территории Дальнего Востока и северо-востока Евразии, а также Аляски. Только в качестве государства-гегемона выступала Российская империя. Причём основным предметом меновой торговли здесь также являлась пушнина [3, с. 68]. И если на Дальнем Востоке сложился своеобразный торговый треугольник «устье Амура — Сахалин — Едзо», то на Северо-Востоке это «Чукотка — Аляска, Алеутские острова — Камчатка» [14, с. 236—237]. Мы можем даже предположить, что между этими последними двумя торговыми регионами существовали связи ещё до появления русских. Так, некоторые элементы материальной культуры (например, предметы вооружения: кинжалы, наконечники копий и шлемы) коренного населения Северо-Востока испытывали влияние Амуро-Сахалинского региона [14, с. 231]. В опубликованных материалах Лаперуза имеются сведения о торговых отношениях аборигенов о. Сахалин с жителями материковой части Евразии. Он приводит данные, что торговой площадкой служила местность в восьми — десяти днях пути от устья реки Сахалин¹. Торговали они с «маньчжурами Татарии» [2, с. 330].

На развитие торговли в данном регионе оказал положительное влияние тот факт, что Япония и Китай не определяли чёткой границы своих территорий. Цинской администрацией в целях управления торговлей были назначены старшины родов из числа наиболее влиятельных представителей этноса [4, с. 122]. Цинской династией Китая были установлены особые правила: туземцы распределялись по родам и селениям, в каждом селении назначался старшина *гасян-да*. Каждый год *гасян-да* собирали дань мехами, привозили их в заранее указанный город и там получали подарки

¹ Название реки Амур; маньчжуры называли её Сахалиян-Ула — «Чёрная река».

от чиновников. Эти дары, в свою очередь, *гасян-да* распространяли среди соотечественников [12, с. 276].

Как это часто бывает в торговых отношениях, за каждой стороной, а в данном случае за каждым народом, был закреплён сбыт и приобретение определённых товаров. Японским исследователем Я. Суэмацу была сделана попытка классифицировать основные направления торговли и ассортимент товаров. Согласно его данным, из Японии к уйльта привозились водка (архи), табак, рис, железные изделия. В ответ в Страну восходящего солнца ввозились хвосты орлов и соколов [4, с. 124]. Из Китая приходили мука, водка, шёлковые и бумажные костюмы, ткани, ковры, бусины, веера, монеты и трубки. В материалах Лаперуза в качестве важного экспортного товара указывался китовый жир [2, с. 332]. Необходимо отметить, что японцы не всегда относились благосклонно к подобной торговле, т.к. их основные партнёры, айны, могли более выгодно сбывать звериные шкуры своим северным соседям [12, с. 295].

По данным Л.И. Шренка, уйльта в 1850-х гг. довольно часто посещали и материк. Они пересекали пролив, направляясь к с. Чоми, откуда по речкам добирались до Амура, останавливаясь в районе современного с. Богородского. Причиной регулярных визитов уйльта, видимо, являлось посещение ярмарки в с. Пули (недалеко от с. Богородского) с целью торговли и обмена. Там же они встречались с родственными им по языку ульчами («мангунами»), и результатом подобных контактов были многочисленные совместные браки. Часть уйльта переселялась на материк. В конце XIX — начале XX в. они стали переходить на материк и в районе Николаевска, где также вели торговлю, сбывая главным образом пушнину, венчались и крестили детей в Николаевском соборе [12, с. 290; 6, с. 51]. Имеются сведения о пролегании торговых маршрутов и по самому Сахалину — по местам проживания, вдоль реки Тыми и Ты, или Поро-Най. По течению этих рек уйльта переходили каждую зиму от восточного берега Сахалина к западному, а также по течению реки Тымь на материк и обратно. Уйльта и ульчи осуществляли совместные зимние перекочёвки до ульчской деревни Пуль и обратно на Сахалин [11, с. 20—21].

На развитие торговых связей, безусловно, оказали влияние факторы межэтнических отношений. К примеру, между нивхами и уйльта-оленеводами отношения традиционно были дружественными. А отношения между уйльта и эвенками, а также нивхами и эвенками были не очень хорошими [8, с. 152]. Связано это с тем, что эвенки, пришедшие с материка во второй половине XIX в.

и встреченные изначально дружелюбно, начали нарушать уже сложившийся промысловый уклад. А отношения между уйльта и нивхами складывались, как правило, более миролюбиво. По свидетельству Л. Шренка, уйльта и нивхи вместе ловили кету в заливе Ный. В 1850-х гг. в устье р. Тымь нивхи, проживающие там, ловили тюленей совместно с уйльта [12, с. 117—120]. Та же ситуация сохранилась и в 1910-х гг., о чём есть свидетельства Штернберга [13, с. 377]. В принципе, наличие обширных и многочисленных мест лова при малой плотности населения не требовало специального разграничения угодий между родами. Кроме того, уйльта и нивхи знали языки друг друга, в то время как остальные не понимали нивхского, что косвенно может считаться свидетельством очень древних контактов, в т.ч. и торговых, между этносами [8, с. 180].

Основной формой торговых отношений уйльта с другими народами, безусловно, являлся обмен. Это объясняется не только натуральным способом ведения хозяйства, но и природной спецификой местности: определённые виды ресурсов были присущи отдельным районам. К примеру, в некоторых областях отсутствовали деревья особых пород для изготовления лодок, поэтому для их приобретения, а иногда и изготовления аборигены приезжали с Сахалина. Сорта крапивы, необходимые для изготовления верёвок, сетей, вообще отсутствовали на Сахалине. Достоверно известно, что в первой половине XIX в. на южном Сахалине существовало торговое место — Сирануси, куда приезжали торговцы с материка и с северной части острова [6, с. 49]. Ещё одной вероятной торговой точкой Сахалина можно считать местность в районе реки Униатана. Название реки происходит от эвенкийского слова *униен* — «покупка, торговля», входящего в целый ряд слов в качестве основы (*униекит* — «место торговли» (базар, ярмарка), *уние-ми* — «купить, продать» и т.д.), и суффикса *-танэ*, выражающего усиление того, что выражено в основе. Следовательно, название реки можно перевести как «торговля». Возможно, здесь происходили торговые операции между местными жителями [1, с. 140—141]. Деревня Найоро (около Кусуная) также являлась одним из центров меновой торговли коренных народов Сахалина с японцами. Вообще, согласно свидетельствам такие пункты торговли располагались как на восточном, так и на западном побережье острова [12, с. 295].

Приезжая на южный Сахалин, уйльта привозили с собой изделия из дерева, берёсты и оленьих шкур для обмена с айнами. На материк вывозились, как правило, жир и шкуры тюленей [8, с. 170]. Таким образом, обменная торговля диктовалась ещё и наличием

определённых мастеров в тех или иных регионах. Орочи для обмена привозили ровдужные охотничьи халаты. Ульчи, нивхи и нанайцы славились мастерством в изготовлении кузнечных изделий. Особенной популярностью пользовались медвежьи цепи. За ними заказчики приезжали издалека. Продукция уйльта из северных районов была популярна у айнов.

Имеются свидетельства о том, как происходила подобная торговля: одна из сторон оставляла свой товар и удалялась, представители другой стороны приходили и выбирали понравившийся товар, заменяя его своим. Таким образом, всё происходило на условиях полного взаимного доверия [10, с. 283]. Необходимо отметить, что категории ремесленников у данных народов не существовало. Все мастера, занимавшиеся изготовлением перечисленных изделий, были в первую очередь охотниками и рыбаками, а ремесло для них было побочным занятием.

Подобный обмен возник задолго до появления торговли иноземными товарами, которая преимущественно проходила в форме натурального обмена на пушнину. Характерно, что с обмен традиционными промыслами при этом не прекратился, а наоборот расширил границы. Обе формы меновой торговли сосуществовали одновременно, т.к. как удовлетворяли различные потребности. Предметы местного производства, которыми раньше обменивались только непосредственные производители, теперь прихватывали с собой торговцы, ввозившие иноземные товары. Обычно представители коренных народов Сахалина договаривались о поездке на ярмарку группой по 8—10 человек. В случае путешествия по воде использовали большую лодку на 8—10 гребцов — *гила* (нанайск., ульчск.). В целом поездка на ярмарку занимала иногда по два месяца и более. В XVIII—XIX вв. торговцы из числа нанайцев, ульчей и нивхов скупали на Амуре пушнину, отвозя её в Саньсин на Сунгари. Полученные в ходе обмена товары расходились затем вплоть до Сахалина. Зачастую торговцы, как правило из числа нивхов, выполняли роль посредников, скупая у уйльта пушнину, взамен привозя русские, японские и китайские товары [8, с. 170].

Во второй половине XIX в. с созданием факторий Российско-американской компании появляется регулярная русская торговля в самых отдалённых уголках страны, в т.ч. на Сахалине. В 1870-х гг. торговые пункты открываются в заливе Ольги, Де-Кастри, Императорской Гавани. С появлением русских и организацией ярмарок всё большее значение начинали приобретать денежные отношения, а не только товарный обмен. Часть купцов из числа коренных

народов стала приезжать на Сахалин без товара с материка, а брала его в посту Дуэ у русских купцов в кредит, отправлялась с ним на южную часть острова, где происходил обмен на местные товары. Возвращаясь обратно на север, они расплачивались с кредиторами, а оставшуюся пушнину продавали в Николаевске [8, с. 174—175]. С установлением жёстких государственных границ перестают функционировать традиционные места торговли на Сахалине. Так, известно, что в Сирануси к концу XIX в. сохранились многочисленные и в прошлом роскошные торговые постройки и даже крепостной вал, но как точка торговли селение уже полностью утратило своё значение [5, с. 119—120]. С начала XX в. на фоне тенденции постепенной утраты традиционного образа жизни (особенно в период оккупации южного Сахалина Японией) уйльта всё чаще нанимались на самую низкооплачиваемую и грязную работу: грузчиками в порту или на железнодорожных станциях, перевозчиками грузов на собаках, рыбаками к крупным японским предпринимателям [9, с. 29]. В результате постепенно уйльта фактически выпадают из торговых отношений.

Подводя итог, можно отметить, что к концу XVIII — началу XX в. цинская династия Китая в значительной степени утрачивает своё экономическое и политическое влияние. Это выразилось в том, что народы Нижнего Амура и Сахалина перестали платить дань. Фактически это послужило сигналом к свободной торговле в регионе. Однако этот период не продлился долго. Нужно отметить, что уйльта в данных торговых отношениях не являлись доминирующим субъектом среди коренных этносов, поскольку основную роль играли айны и нивхи. Наряду с ослаблением Китая в данном регионе усилились позиции России и Японии. С заключением вначале Айгунского (1858 г.), а затем и Пекинского (1860 г.) договоров с Китаем и окончательного определения границ с Японией (в 1875 г.) период свободной аборигенной торговли коренных народов Сахалина был фактически завершён. Традиционные торговые пути отныне были рассечены границами государств, и беспрепятственное движение торговцев стало фактически невозможным [4, с. 125—126]. Второй период торговых отношений уйльта характеризуется появлением денег в качестве эквивалента обмена, в дополнение к натуральному обмену. Во многом это связано с появлением русских, как ещё одного основного участника торговли. Постепенно уйльта утрачивают значение в качестве самостоятельного субъекта торговых отношений. Во многом это можно объяснить слабым социально-экономическим развитием этноса. Обмен как форма торговли

максимально соответствовал родовому укладу и натуральному способу ведения хозяйствования при неразвитой экономике. А со второй половины XIX в. уйльта, как и другие коренные народы, оказались вовлечены в более развитую форму торговых отношений с капиталом, с более крупным оборотом, кредитами и проч. Безусловно, они оказались не готовы к такому повороту событий и очень быстро утратили свои позиции. Появление на Сахалине японцев ещё больше усилило возникшую тенденцию. Фактически с этого момента можно говорить о полном прекращении торговых отношений, в которых уйльта выступали в качестве самостоятельного партнёра.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гальцев-Безюк С.Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1992. 218 с.
2. Лаперуз Ж.Ф. Путешествие по всему миру на «Буссоли» и «Астролябии». М.: Эксмо, 2014. 448 с.
3. Огрызко И.И. Торговля на Камчатке в XVIII — начале XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. 17: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М.: Наука, 1975. С. 67—85.
4. Сасаки С. Сантан коэки — торговля народов Нижнего Амура и Сахалина в XVIII и XIX вв. // Пилсудский — исследователь народов Сахалина: Материалы международной научной конференции 31 октября — 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1992. Т. 1. С. 119—127.
5. Сахалинский календарь [на 1899 г.]. Б. м.: Тип. на о-ве Сахалине, 1899. 183 с.
6. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 43—77.
7. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 246 с.
8. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX века). М.: Наука, 1975. 231 с.
9. Смоляк А.В. Южные ороки // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28—42.
10. Соколов А.М. Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 766 с.
11. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб.: Типография императорской академии наук, 1883. Т. 1. 342 с.
12. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб.: Типография императорской академии наук, 1899. Т. 2. 374 с.
13. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
14. Bursch S.E. Jr. War and Trade // CrossRoads of continents: cultures of Siberia and Alaska. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 227—240.

REFERENCES

1. Gal'cev-Bezjuk S.D. *Toponimicheskij slovar' Sahalinskoj oblasti* [Toponymic Dictionary of the Sakhalin region]. Juzhno-Sahalinsk, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1992, 218 p. (In Russ.)
2. Laperuz Zh.F. *Puteshestvie po vsemu miru na «Bussoli» i «Astroljabii»* [Journey around the world on the “Boussole” and “Astrolabe”]. Moscow, Jeksmo Publ., 2014, 448 p. (In Russ.)
3. Ogryzko I.I. Torgovlja na Kamchatke v XVIII — nachale XIX v. [Trade in Kamchatka in the 18th — early 19th centuries]. *Strany i narody Vostoka. Vyp. 17: Strany i narody bassejna Tihogo okeana. Kn. 3* [Countries and peoples of the East. Iss. 17: Counties and peoples of the Pacific ocean basin]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 67—85. (In Russ.)
4. Sasaki S. Santan kojeki — torgovlja narodov Nizhnego Amura i Sahalina v XVIII i XIX vv. [Santan koeki — trading peoples of the Lower Amur and Sakhalin in the eighteenth and nineteenth centuries]. *Pilsudskij — issledovatel' narodov Sahalina: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 31 oktjabrja — 2 nojabrja 1991 g., Juzhno-Sahalinsk* [Pilsudskiy — researcher of the peoples in Sakhalin. Proceedings of the international scientific conference 31 October — 2 November 1991, Yuzhno-Sakhalinsk]. Juzhno-Sahalinsk, Sahalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej Publ., 1992, vol. 1, pp. 119—127. (In Russ.)
5. *Sahalinskij kalendar' [na 1899 g.]* [Sakhalin calendar [1899]]. B.m., Tip. na o-ve Sahaline Publ., 1899, 183 p. (In Russ.)
6. Smoljak A.V. O vzaimnyh kul'turnyh vlijanijah narodov Sahalina i nekotoryh problemah jetnogeneza [On the mutual cultural influences of the peoples of Sakhalin and some problems of ethnogenesis]. *Jetnogenez i jetnicheskaja istorija narodov Severa* [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 43—77. (In Russ.)
7. Smoljak A.V. *Tradicionnoe hozjajstvo i material'naja kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sahalina* [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 246 p. (In Russ.)
8. Smoljak A.V. *Jetnicheskie processy u narodov Nizhnego Amura i Sahalina (seredina XIX — nachalo XX veka)* [Ethnic processes among the peoples of Lower Amur and Sakhalin (middle of the 19th century — beginning of the 20th century)]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 231 p. (In Russ.)
9. Smoljak A.V. Juzhnye oroki [Southern Oroks]. *Sovetskaya etnografiya*, 1965, no. 1, pp. 28—42. (In Russ.)
10. Sokolov A.M. *Ajny: ot istokov do sovremennosti. Materialy k istorii stanovlenija ajnskogo jetnosa* [Ainu: from the beginnings to the present. Materials on the history of the formation of Ainu ethnicity]. Saint-Petersburg, MAJe RAN Publ., 2014, 766 p. (In Russ.)
11. Shrenk L. *Ob inorodcah Amurskogo kraja* [About foreigners in the Amur region]. Saint-Petersburg, Tipografija imperatorskoj akademii nauk Publ., 1883, vol. 1, 342 p. (In Russ.)
12. Shrenk L. *Ob inorodcah Amurskogo kraja* [About foreigners in the Amur region]. Saint-Petersburg, Tipografija imperatorskoj akademii nauk Publ., 1899, vol. 2, 374 p. (In Russ.)
13. Shternberg L.Ja. *Giljaki, orochoi, gol'dy, negidal'cy, ajny* [Gilyak, Orochi, Golds, Negidal, Ainu]. Habarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)
14. Bursch S.E. Jr. War and Trade. *CrossRoads of continents: cultures of Siberia and Alaska*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press Publ., 1988, pp. 227—240. (In Eng.)